

О глупости *).

Определение понятия глупости представляет чрезвычайно большой психологический интерес. Формы, в которых выражается глупость, так разнообразны, что их можно назвать неисчислимыми, и чтобы объять все случаи проявления глупости, надо бы объять все существующее и все прошедшее, так как история человечества есть в такой же, если не в большей, мере история глупости, как и история гениальности. Поэтому изучить глупость в ее проявлениях было бы задачей гораздо более обширной, чем та, которую представляет собою изучение глупости в ее сущности.

Эразм Роттердамский, в своей знаменитой сатире „Похвала глупости“, решился уклониться от определения глупости по существу и ограничился перечислением ее проявлений, что повело к серьезным недоразумениям, которые возбуждают его трактатом.

Глупость, по Эразму, развеселяет богов и людей, сама себя превозносит похвалами, лишена притворства и сама себя обнаруживает. Ее отец — Плутосъ, бог богатства, и веселая красавица нимфа Неотета (юность). Родилась она на счастливых островахъ, ее выкормили Мете (пьянство), дочь Бахуса, и Апедия (бездѣтность), рожденная Паномъ. Ее спутники: самолюбие, лесть, забвение, ненависть къ труду,

*) Речь, произнесенная на годовичномъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ 27 октября 1896 года.

удовольствіе, неразуміе, чревоугодіе, разгуль и непробудный сонъ.

Исходя изъ такой характеристики, Эразмъ пишетъ злую сатиру на общественную жизнь своего времени, которую однако смѣло можно назвать сатирой для всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. При этомъ у него встрѣчаются гениальныя страницы, гдѣ онъ почти касается общаго опредѣленія глупости, но оно всякій разъ ускользаетъ отъ него, и онъ снова впадаетъ въ перечисленіе частныхъ.

Отсутствіе опредѣленія не могло не отразиться и на характеристикахъ и, дѣйствительно, нѣкоторыя изъ нихъ способны только затемнить, а не разъяснить вопросъ.

Остановимся на двухъ примѣрахъ:

„Кто рѣшится, — спрашиваетъ Эразмъ, надѣть на себя ярмо супружества, если прежде взвѣситъ, какъ слѣдуетъ умному человѣку, всѣ невыгоды брачнаго состоянія? Или какая женщина допуститъ къ себѣ мужчину, если будетъ знать или обдумаетъ всѣ опасныя страданія дѣторожденія и всю трудность воспитанія дѣтей? Слѣдовательно, и угрюмые философы, и сильные міра сего, и весь многочисленный міръ боговъ обязанъ своимъ существованіемъ пьяной и смѣшной забавѣ“.

Въ другомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о школьныхъ учителяхъ, такъ называемыхъ грамматикахъ.

„Ихъ участь, — говоритъ Эразмъ, — еслибы ея не смягчалъ особый видъ безумія, была бы по-истинѣ самая плачевная: вѣчно впроголодь, въ бѣдномъ рубищѣ, сидятъ они въ своей школѣ, составляющей нѣчто среднее между толчеей и застѣнкомъ; они быстро старятся отъ трудовъ, глохнутъ отъ крика мальчишекъ, задыхаются отъ вони; но по милости глупости они кажутся себѣ первыми изъ смертныхъ и съ необыкновеннымъ самодовольствомъ устрашаютъ робкую толпу лицомъ и голосомъ, истязаютъ несчастныхъ дѣтей линейками, розгами, ремнями, неистовствуютъ по своему произволу, уподобляясь куманскимъ осламямъ. По милости глупости, грязь, окружающая ихъ, кажется имъ роскошью,

вонь—благоуханіемъ, ихъ рабское состояніе царствомъ, и свою тираннію надъ дѣтьми они не промѣняли бы на власть Фалариса или тирана Діонисія. Они набиваютъ головы дѣтей чистымъ вздоромъ, но всякій изъ нихъ мнитъ себя ученеѣ Палемона и Доната. Какимъ-то колдовствомъ обходятъ они глупыхъ матерей и идиотовъ отцовъ, которые относятся къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ“.

Безспорно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ можетъ играть нѣкоторую роль глупость, но на-ряду съ этимъ существуетъ такое большое количество другихъ мотивовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою сложное психическое состояніе, не имѣющее ничего общаго съ глупостью, что объединять всѣ эти мотивы подъ однимъ общимъ названіемъ глупости можно только при отсутствіи опредѣленія основного понятія.

Вслѣдствіе этого, прочитавъ книгу Эразма, совершенно нельзя отвѣтить на вопросъ, что такое глупость и чѣмъ отличается она отъ того, что называется увлеченіемъ, безуміемъ, самозабвеніемъ и прочее. Похвала глупости не доходить по адресу и попадаетъ сразу въ нѣсколько различныхъ мѣстъ.

Кромѣ Эразма, многіе другіе писатели обращали свое вниманіе на глупость и дѣлали болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія, иногда имѣющія въ виду частности, иногда же дающія болѣе или менѣе общія опредѣленія. Между этими афоризмами встрѣчаются иногда замѣчанія весьма парадоксальныя, какъ, на примѣръ, замѣчаніе госпожи de Cigardin: „женщина никогда не достигнетъ высшей глупости, такъ какъ для этого нужна сила, которой женщина не имѣетъ“.

Мотивированное опредѣленіе и анализъ глупости пытался сдѣлать въ недавнее время проф. Эрдманъ, но онъ также остановился только на одномъ изъ проявленій глупости, на томъ, что называется ограниченностью, причѣмъ сдѣлалъ даже психологически совершенно неправильное утвержденіе, что ограниченность характеризуется тѣмъ, что человѣкъ относитъ все къ самому себѣ. Далѣе, глупые поступки

онъ отождествляетъ съ грубыми, грубость — съ необразованіемъ, почему и приходитъ къ заключенію, что глупость и невѣжество — одно и то же, вслѣдствіе чего и протестуетъ противъ утвержденія, что глупость неизлѣчима. И, наконецъ, тому обстоятельству, что глупость можетъ быть, по его словамъ, уничтожена образованіемъ, онъ приписываетъ причину того, что глупость смѣшна; это происходитъ будто бы отъ того, что при видѣ глупаго поступка мы вспоминаемъ собственную глупость, отъ которой избавились образованіемъ, и намъ пріятно чувствовать, что мы теперь умнѣе, чѣмъ прежде.

Если не всѣ люди избавляются отъ глупости, то лишь потому, что они сами не хотятъ этого. Отсюда слѣдуетъ, что глупость есть порокъ, которому люди предаются добровольно.

Этимъ короткимъ изложеніемъ исчерпывается анализъ проф. Эрдмана. Случайныя сопоставленія и произвольныя утвержденія автора показываютъ его полное незнакомство съ психологіей и могутъ произвести только смѣшеніе понятій.

Общее понятіе *глупость* распадается на нѣсколько другихъ подчиненныхъ понятій, имѣющихъ каждое особый отѣнокъ, какъ, наприм., безуміе, ограниченность, безразсудство, бессмысліе и пр., которымъ есть соответствующія понятія и на другихъ языкахъ, наприм., *folie, bêtise, sottise, Dummheit, Narrheit, Thorheit* и пр. Не смотря на различіе, существующее между этими понятіями, они весьма часто, во всѣхъ языкахъ, употребляются одно вмѣсто другого и нерѣдко считаются синонимами. Будучи понятіемъ родовымъ, *глупость* имѣетъ меньше характерныхъ признаковъ, чѣмъ каждое изъ подчиненныхъ ему понятій, но эти признаки наиболѣе общи и существенны.

Сохраняя свои характерные признаки, понятіе *глупость* имѣетъ два совершенно различныхъ значенія. Именно, оно обозначаетъ, во-первыхъ, свойство лица, а во-вторыхъ, качество дѣйствія.

Приступая къ опредѣленію, мы должны прежде всего

разсмотрѣть, есть ли глупость понятіе положительное или отрицательное. Положительнымъ понятіемъ называется такое, которое имѣетъ характерные признаки, только ему одному свойственные, отличающіе его отъ всѣхъ другихъ понятій. Понятіе отрицательное характеризуется неимѣніемъ тѣхъ признаковъ, которые присущи соответствующему положительному понятію.

Такъ, напримѣръ, „неправда“ есть понятіе отрицательное, утверждающее лишь отсутствіе того, что называется правдой. Понятія же „ложь“ или „обманъ“ суть понятія положительные, такъ какъ, кромѣ признаковъ, заключающихся въ словѣ „неправда“, имѣютъ еще и свои особые признаки. Ложь, напримѣръ, предполагаетъ неправду умышленную, а обманъ, кромѣ признака умышленности, имѣетъ еще и признакъ корысти или, по меньшей мѣрѣ, опредѣленной цѣли.

Понятіе, противоположное глупости, есть „умъ“ или „разумность“. Еслибы глупость была только отрицательнымъ понятіемъ, то она вполнѣ соответствовала бы тому, что называется „не умно“. Однако, уже съ перваго взгляда видно, что понятіе „не умно“ гораздо болѣе обще и гораздо менѣе опредѣленно, чѣмъ понятіе „глупо“. Все, что не носитъ на себѣ признаковъ разумности, можетъ быть названо „не умнымъ“. Не умно упасть съ четвертаго этажа, заглядѣвшись на луну, не умно сѣсть на катафалкъ, вмѣсто пролетки, какъ это сдѣлалъ Потемкинъ, не умно позабыть адресъ своей квартиры, какъ Готфридъ Келлеръ, но никто не рѣшится утверждать, чтобы все это непременно уже было глупо.

Слѣдовательно, простое отрицаніе разумности не исчерпываетъ понятія глупости, и для того, чтобы извѣстное дѣйствіе назвать глупымъ, оно должно имѣть особые характерные признаки. Поэтому глупость есть понятіе положительное, обладающее признаками, ему одному свойственными.

Однако, если понятіе глупости, будучи понятіемъ положительнымъ, и не можетъ быть выражено никакимъ отрицательнымъ понятіемъ, тѣмъ не менѣе оно включаетъ въ

себѣ отрицаніе противоположнаго ему положительнаго понятія и въ свою очередь заключается въ этомъ отрицаніи. То, что глупо, конечно, неумно. То, что неумно, въ свою очередь можетъ быть глупо.

Слѣдовательно, анализируя всѣ положительные элементы входящіе въ составъ понятія неразумности, мы можемъ выдѣлить и то, что называется глупостью.

Здѣсь можетъ явиться вопросъ, возможно ли анализировать понятіе неразумности, не давая опредѣленія того, что такое разумъ и умъ вообще. Изученію ума во всемъ его цѣломъ посвящена вся психологія, и она одна въ своей совокупности можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ во всей его полнотѣ. Отрицательное же понятіе неразумности предполагаетъ отрицаніе не ума во всемъ его цѣломъ, а лишь нѣкоторой его части. Поэтому, анализъ отрицательнаго понятія проще, нагляднѣе и быстрѣе приведетъ насъ къ цѣли, такъ какъ по отношенію къ уму можно будетъ ограничиться разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ условій, которыя отличаютъ его отъ глупости.

Отрицательное понятіе неразумности есть часть болѣе общаго понятія — слабости ума. Разсмотримъ сначала, въ какомъ отношеніи слабость ума относится къ тому, что называется глупостью.

Несовершенство, слабость, неполнота психической дѣятельности можетъ зависѣть отъ разнообразныхъ причинъ, подобно тому, какъ нарушеніе дѣятельности всякаго сложнаго механизма можетъ быть обусловлено порчей самыхъ различныхъ частей.

Уже незначительныя расстройства дѣятельности органовъ чувствъ отражаются на психическомъ содержаніи, и чѣмъ болѣе постоянны такія нарушенія, тѣмъ болѣе постояннымъ будетъ и зависящій отъ того недостатокъ. Страдающіе дальтонизмомъ, т.-е. неспособностью различенія зеленаго и краснаго цвѣта, лишены цѣлаго ряда воспріятій здороваго человѣка. Еще болѣе обездолены въ этомъ отношеніи совершенно слѣпые отъ рожденія. Подобнымъ же образомъ

и глухіе, и глухо-нѣмые не могутъ имѣть психическаго содержанія, вполне соответствующаго психическому содержанію здороваго человѣка. У нихъ всегда будетъ нѣкоторый недостатокъ, характеризующій несовершенство ихъ нервно-мозгового аппарата.

Но въ такого рода недостаткахъ еще никто не будетъ видѣть глупости.

Помимо нарушеній отъ такихъ почти внѣшнихъ причинъ, могутъ быть нарушенія психической дѣятельности отъ причинъ внутреннихъ и болѣе общихъ.

Такъ какъ мы ищемъ признаковъ, характеризующихъ постоянное состояніе, то намъ слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ временныя нарушенія психической дѣятельности: обмороки, состоянія отравленія, напимѣръ, угаромъ или виномъ, состоянія сильныхъ аффектовъ, далѣе, болѣзненные состоянія и, главнымъ образомъ, всѣ острые душевныя расстройства.

Эти состоянія преходящи, и если въ нихъ и можетъ наблюдаться то, что называется глупостью, то это имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Обращаясь къ постояннымъ нарушеніямъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ пороками развитія мозга. Интеллектуальная бѣдность, несовершенное развитіе разныхъ сторонъ психической дѣятельности, соответствующія такого рода порокамъ развитія мозга, не могутъ внушать намъ мысли о глупости. Патологическій характеръ явленія слишкомъ рѣзко выраженъ, и еслибы элементы глупости и проявлялись при этомъ, они будутъ покрываться, или, по крайней мѣрѣ, осложняться другимъ рядомъ явленій, вполне патологическихъ.

А это для анализа неудобно, такъ какъ глупость въ ея чистомъ проявленіи есть свойство здороваго человѣка, и рѣзкія болѣзненныя нарушенія могутъ ввести въ заблужденіе, если изъ ихъ анализа выводить характеристику глупости.

Поэтому, оставимъ въ сторонѣ всѣ пороки развитія моз-

га, всё нарушенія его цѣлости и обратимся къ тѣмъ случаямъ, гдѣ мозгъ предполагается вполне цѣлымъ.

При этомъ мы опять встречаемся съ нѣкоторыми патологическими состояніями, главнымъ образомъ, слѣдующими за острыми душевными болѣзнями.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ такъ называемое вторичное слабоуміе. Анализируя это состояніе, мы находимъ общее пониженіе психической дѣятельности, недостаточную связь между воспріятіями и между воспроизведеніями, неправильныя и случайныя ассоціаціи, отрывочное сочетаніе идей, измѣненіе чувственного тона, который выражается неравномѣрно, будучи притомъ то слишкомъ сильнымъ, то слишкомъ слабымъ. Съ перваго взгляда бросается въ глаза, что психическое содержаніе обѣднѣло и исказилось до неузнаваемости. Передъ нами какъ бы обширное пожарище, на которомъ то здѣсь, то тамъ встаютъ лишь воспоминанія недавняго прошлаго, и господствующее чувство, возникающее въ насъ, есть сожалѣніе объ утратѣ именно этого прошлаго, которое не замѣняется, а лишь напоминаетъ печальнымъ настоящимъ.

Уродство и болѣзнь характеризуются отрицаніемъ, исчезновеніемъ, а не возникновеніемъ новыхъ свойствъ. Слепота, идиотизмъ, слабоуміе, душевныя болѣзни въ ихъ рѣзкомъ проявленіи не могутъ дать намъ матеріала и указанія для анализа понятія глупости.

То же надо сказать и о такихъ формахъ душевнаго расстройства, которыя, будучи выраженіемъ наследственнаго вырожденія, проявляются въ такомъ видѣ, что долгое время можетъ существовать сомнѣніе, имѣемъ ли мы дѣло съ душевною болѣзью или нѣтъ. Сюда относятся, напримѣръ, нравственные дефекты, резонерство, склонность къ символизации, нарушенія настроенія, навязчивыя идеи и пр.

И здѣсь, при ближайшемъ анализѣ, специфическіе патологическіе моменты выступаютъ на первый планъ.

Поэтому, намъ надо обратиться къ здоровымъ людямъ и среди нихъ искать неосложненнаго проявленія того, что

называется глупостью, и только уже послѣ того, когда мы найдемъ опредѣленіе глупости, приложить это опредѣленіе къ анализу сложныхъ состояній ненормальной психической дѣятельности.

Для того, чтобы сразу сконцентрировать мысль въ опредѣленномъ направленіи, намъ надо найти примѣръ безспорной глупости.

Примѣры глупости такъ противорѣчивы, употребленіе слова *глупость* такъ широко, что не совсѣмъ легко выбрать подходящій примѣръ. Эта неопредѣленность и, нерѣдко, случайность примѣненія понятія глупости повела, между прочимъ, къ созданію типа Иванушки Дурачка, который оказывается въ концѣ концовъ самымъ умнымъ изъ всѣхъ лицъ, съ какими онъ приходитъ въ столкновеніе.

Но неопредѣленность примѣненія не исключаетъ, однако, опредѣленности самаго понятія глупости.

Можно бы взять въ видѣ примѣровъ такіе типы, какъ мистрисъ Никльби, панъ Халявскій, благородный Донъ Кихоть Ламанчскій въ нѣкоторые моменты его трудной жизни и пр. Но эти примѣры слишкомъ сложны и требуютъ для своего полного анализа уже опредѣленнаго критерія.

Къ счастью, русское народное творчество, наряду съ типомъ Иванушки Дурачка, дурачка по наименованію и по недоразумѣнію, создало и классическій простѣйшій примѣръ подлинной неоспоримой глупости.

„Пошелъ дуракъ по селу и видитъ—загорѣлся овинъ. Онъ сталъ играть въ дудочку и плясать. Его за это побили. Онъ заплакалъ и пошелъ къ матери. „Глупый,—сказала мать,—ты взялъ бы ведро и заливалъ огонь“.

„Пошелъ опять дуракъ: видитъ—свинью палать. Онъ взялъ ведро воды и сталъ заливать. Его опять побили“.

Попробуемъ уснуть себѣ смыслъ и причину злключеній дурака въ сказкѣ, и это уясненіе будетъ и отвѣтомъ на вопросъ, что такое глупость.

„Пошелъ дуракъ и видитъ пожаръ. Увидя огонь, онъ сталъ играть и плясать“.

Причина, по которой онъ сталъ плясать, въ приведенномъ примѣрѣ не указана, и законченный анализъ этого дѣйствія не можетъ быть сдѣланъ. Мы можемъ предполагать, что угодно, но, въ виду серьезности вопроса, предположенія не могутъ насъ удовлетворить. Поэтому, послѣдуемъ далѣе.

„Придя домой, дуракъ сталъ плакать. — „Глупый, — сказала мать, ты взялъ бы ведро и заливалъ огонь“. Пошелъ опять дуракъ, видитъ — свинью палить. Онъ взялъ ведро и сталъ заливать огонь“.

На этотъ разъ мы имѣемъ все, что нужно для анализа. И причина, и слѣдствіе на-лицо, и мы имѣемъ возможность опредѣлить ихъ соотношеніе.

Въ отвѣтъ на свои жалобы дуракъ получилъ наставленіе: „взять ведро и заливать огонь“.

Онъ твердо усвоилъ это наставленіе. Память усвоеннаго оказалась у него не хуже памяти всякаго умнаго человѣка и не измѣнила ему при случаѣ. Мало того, что онъ запомнилъ сказанное матерью, онъ сдѣлалъ изъ этого обобщеніе, руководящій принципъ дѣйствій по отношенію къ огню, и примѣнилъ его немедленно, какъ только увидѣлъ огонь палящій свинью. Его, однако, побили. Побили за то, что онъ не сумѣлъ различить два момента: пожаръ и паленіе свиньи и приложилъ ко второму случаю формулу, относящуюся къ первому.

Другими словами, для характеристики дѣйствительности, для характеристики того, что находилось передъ его глазами въ видѣ непосредственнаго воспріятія, онъ примѣнилъ воспроизведенную формулу на основаніи недостаточнаго количества сходныхъ признаковъ.

Это значитъ, что онъ удовлетворился для характеристики даннаго момента недостаточнымъ количествомъ признаковъ, или, что то же самое, недостаточно полно воспринялъ эту непосредственно данную дѣйствительность. Лишь нѣкоторые признаки — огонь, толпа — привлекли его вниманіе, и эти признаки вполне соотвѣтствовали наставленію матери, вслѣд-

ствіе чего между неполнымъ воспріятіемъ настоящаго и воспроизведеннымъ наставленіемъ образовалась внутренняя связь, въ результатъ чего и явилось несоотвѣтствующее дѣйствіе.

Въ этомъ несоотвѣтствіи дѣйствія съ требованіями дѣйствительности и заключается основная характеристика глупости.

Возвращаясь къ сказанному, мы видимъ, что память того, что было усвоено, и при глупости можетъ быть не слабѣе обыкновенной. Умозаключеніе можетъ совершаться такъ же, по тѣмъ же законамъ сравненія и подчиненія, какъ и въ обычномъ состояніи, но психическій процессъ тѣмъ не менѣе рѣзко нарушенъ, и притомъ нарушенъ въ своемъ основномъ источникѣ, изъ котораго вытекаетъ все наше психическое богатство, именно въ воспріятіи непосредственной дѣйствительности.

Глупецъ видитъ, слышитъ, осязаетъ не то, что существуетъ въ дѣйствительности, а лишь малую часть этого, вслѣдствіе чего впоследствии и перепутываетъ между собою видѣнное, слышанное или воспринятое тѣмъ или другимъ путемъ.

Если при этомъ въ запасѣ окажется какое-нибудь правило дѣйствія, шаблонъ, то это правило можетъ быть примѣнено совершенно не кстаті, и произойдетъ дѣйствіе по несоотвѣтствующему шаблону.

Не слѣдуетъ забывать однако, что дѣйствіе по шаблону вообще никакъ не можетъ быть названо глупымъ. Во многихъ случаяхъ шаблонъ есть наиболѣе правильный способъ дѣйствій, и надо только, чтобы онъ сохранялъ свой смыслъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Супъ всегда ѣдятъ ложкой — это несомнѣнный шаблонъ, и если вамъ не дали ложки, вы естественно подождете ѣсть супъ. Однако въ дорогѣ, гдѣ не окажется ложки, вы или найдете подобіе ложки, или станете пить супъ. Глупецъ совершенно откажется отъ супа, потому что супъ ѣдятъ ложкой, а ложки нѣтъ. Слѣдовательно, для характеристики глупости необходимо примѣненіе именно несоотвѣтствующаго шаблона.

Это имѣетъ значеніе и по отношенію къ подражанію. Стремленіе къ подражанію свойственно всѣмъ людямъ безъ исключенія, но какъ только дѣйствіе, обусловленное подражаніемъ, не будетъ согласовано съ требованіями дѣйствительности, оно будетъ глупымъ. Примѣромъ могутъ служить извѣстные бараны, попрыгавшіе въ море вслѣдъ за тѣмъ, какъ Панургъ бросилъ туда съ корабля одного барана изъ стада. Этотъ разсказъ Rabelais часто приводится какъ примѣръ подражанія, тогда какъ это есть классическій примѣръ глупости.

Прежде чѣмъ продолжать нашъ дальнѣйшій анализъ, намъ слѣдуетъ остановиться на соображеніяхъ очень большой важности.

Воспріятіе самаго умнаго человѣка никогда вполне не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Какъ бы человѣкъ ни изошрялъ свои чувства, всегда онъ будетъ воспринимать лишь ничтожную часть того, что происходитъ вокругъ него. Восклипанія о томъ, что мысль проникаетъ сокровенныя тайны природы, охватываетъ міръ и своею тонкостью и разнообразіемъ оттънко въ превосходить все существующее въ матеріальномъ мірѣ, есть только печальное недоразумѣніе, и можно сказать, что умъ человѣка находится въ такомъ же отношеніи къ дѣйствительности, какъ ручное зеркало къ поверхности океана, отражающаго половину звѣзднаго неба, или какъ мелкая искра по отношенію къ великому пламени, если только эти блѣдныя сравненія могутъ хотя намекать на сложность и величіе мірозданія и на слабость и несовершенство человѣческихъ воспріятій.

Далѣе, не только воспріятія не вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но и воспроизведенія не вполне соотвѣтствуютъ воспріятіямъ, т.-е. то, что мы вспоминаемъ, всегда въ большей или меньшей степени отличается отъ того, что мы видимъ, слышимъ, вообще воспринимаемъ изъ окружающаго міра.

Этотъ основной психологическій законъ, первоначально сформулированный Огюстомъ Контомъ и довольно долгое

время имѣвшій значеніе гипотезы, въ настоящее время доказанъ экспериментально. Память ощущеній и простѣйшихъ воспріятій: свѣта, звука, прикосновенія—ослабѣваетъ немедленно послѣ того, какъ прекратилось внѣшнее раздраженіе; память линій, фигуръ, формъ, тоновъ, аккордовъ и пр. сохраняетъ намъ воспріятія уже въ измѣненномъ видѣ, и для того, чтобы удержать въ памяти извѣстную группу воспріятій безъ перемѣны, требуется ихъ неоднократное повтореніе. По отношенію къ моментамъ болѣе сложнымъ слабость памяти обнаруживается еще рѣзче, и еслибы мы попытались повторить только-что прослушанную рѣчь, то оказалось бы, что въ нашей памяти уцѣлѣли только отрывки.

Такимъ образомъ, основной характерный признакъ глупости есть лишь крайнее выраженіе основного свойства человѣческой психической организаціи. Слѣдовательно, мы имѣемъ передъ собою въ сущности лишь количественную разницу въ степени силы. Но нельзя забывать, что мы имѣемъ дѣло съ основнымъ фактомъ душевной жизни и что самое малое колебаніе основанія можетъ вести къ гибели цѣлаго зданія. Такъ это и есть въ дѣйствительности.

Большее количество отдѣльныхъ признаковъ, воспринимаемыхъ отъ окружающихъ явленій, уже своей многочисленностью и разнообразіемъ рождаютъ въ сознаніи идею сложности внѣшняго міра. Вслѣдствіе того, что воспріятіе не вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности, одно и то же явленіе при повтореніи обладаетъ уже нѣкоторыми новыми, хотя быть-можетъ и маловажными, признаками, и мы при всякомъ повтореніи все детальнѣе и подробнѣе знакомимся съ нимъ, откуда проистекаетъ неизгладимое впечатлѣніе, что мы не можемъ разомъ воспринять сложное явленіе.

Когда возникаетъ воспоминаніе, такъ же не вполне соотвѣтствующее воспріятію, то составляющіе его признаки естественно распадаются на двѣ группы: одни отчетливы и ясны, другіе менѣе опредѣленны, смутны, и нѣкоторые изъ нихъ лишь едва возвышаются надъ безсознательной сферой, какъ бы не имѣютъ совсѣмъ никакой формы и служатъ

лишь напоминаніемъ о томъ, что ихъ нѣтъ, что мы вспоминаемъ не все, что нѣчто ускользаетъ отъ насъ въ данную минуту. Изъ этого смутнаго ощущенія неполноты воспроизведенія возникаетъ недоувѣріе, сомнѣніе въ правильности нашего представленія дѣйствительности. Сомнѣніе есть начало мудрости, сказалъ еще Аристотель. И дѣйствительно, это сомнѣніе есть сознание человѣкомъ своего несовершенства, и въ немъ же лежитъ и стремленіе избѣгнуть ошибки. Изъ этого сомнѣнія родилась наука, единственный оплотъ отъ заблужденій, такъ какъ только въ наукѣ, путемъ метода, человѣкъ сливаетъ всѣ силы своего ума съ умами другихъ людей и въ очищенномъ коллективномъ сознаніи находитъ спасеніе отъ тяжкаго бремени субъективизма.

Глупецъ свободенъ отъ сомнѣнія. Онъ мало воспринимаетъ изъ того, что происходитъ вокругъ него, мало вспоминаетъ изъ того, что воспринялъ, и въ концѣ концовъ не можетъ разобрать, къ какому случаю относится его воспоминаніе. Малое количество находящихся въ его сознаніи признаковъ не даетъ условій для возникновенія сомнѣнія. Воспринявъ мало, глупый полагаетъ,—и это совершенно логично,—что воспринялъ все, и считаетъ себя обладателемъ истины, даже не понимая, какъ возможно сомнѣніе. Поэтому, излишняя самоуувѣренность есть несомнѣнный признакъ глупости. Изъ того же основного свойства глупости вытекаютъ и другіе признаки: самолюбіе, безстыдство и отсутствіе страха, вслѣдствіе непониманія опасности, причемъ безстрашіе и упорство могутъ производить даже впечатлѣніе мужества и настойчивости.

Сдѣланное сопоставленіе даетъ намъ возможность значительно расширить понятіе глупости.

Такъ какъ глупость есть не что иное, какъ рѣзкое несоотвѣтствіе представленій и понятій съ дѣйствительностью, то все, что приводитъ умъ человѣка въ неспособность анализа дѣйствительности, и все то, что понижаетъ въ человѣкѣ способность воспріятія, можетъ обусловить дѣйствія,

которыя по справедливости могутъ быть названы глупыми, и если такого рода причины будутъ дѣйствовать въ теченіе нѣкотораго времени, то обусловить такое состояніе, которое можетъ быть названо глупостью.

Мы видѣли, что между психической дѣятельностью умнаго и глупаго существуетъ лишь количественная разница, чѣмъ обусловливается существованіе безчисленныхъ переходныхъ степеней между ними, и, слѣдовательно, глупость можетъ быть то больше, то меньше. Поэтому достаточно уже малаго нарушенія соотвѣтствія между дѣйствіемъ и требованіемъ дѣйствительности даннаго момента, чтобы получилось дѣйствіе, которое можетъ быть названо глупымъ. И дѣйствительно, къ этому приводятъ иногда причины, имѣющія повидимому значеніе самое малое.

На первомъ планѣ здѣсь должна быть поставлена разсѣянность, т.-е. плохое воспріятіе окружающаго подъ влияніемъ сосредоточенія вниманія въ другомъ направленіи. Извѣстенъ рассказъ про ученаго, занятаго своей работой во время болѣзни жены, которому слуга доложилъ, что жена его умираетъ, и который отвѣтилъ: „попросите барыню подождать“. И каждому извѣстны примѣры, когда дѣйствія, совершаемыя подъ влияніемъ разсѣянности, должны быть названы безусловно глупыми.

То же самое надо сказать о влияніи аффекта, т.-е. сильнаго душевнаго волненія, каковъ бы ни былъ его характеръ. Гнѣвъ, страхъ, влюбленность, сильная радость съ давнихъ поръ приравниваются къ безумію по тѣмъ поступкамъ, которые ими производятся. Царь Ксерксъ въ гнѣвѣ на бурю приказалъ высѣчь море, потопившее его корабли. Подъ влияніемъ страха во время пожара одна дама схватила кувшинъ, выбѣжала изъ дому къ рѣкѣ, вскочила на стоявшій у берега плотъ, на противоположный край котораго она сѣла, опустила ноги въ воду и затѣмъ стала ихъ поливать водой изъ кувшина. Нѣтъ надобности увеличивать число примѣровъ. Вліяніе аффекта такъ велико въ смыслѣ нарушенія соотвѣтствія между воспріятіями и воспроизведеніями, что

стойки говорили, что мудрость состоитъ въ томъ, чтобы руководиться разумомъ, а глупость—въ томъ, чтобы руководиться аффектами.

Аффекты не слѣдуетъ смѣшивать съ чувствами. Аффектъ есть сильное душевное волненіе, соединенное съ нарушеніемъ психической дѣятельности въ смыслѣ ея пониженія,—состояніе, которое въ своихъ высшихъ степеняхъ мало свойственно здоровому человѣку, тогда какъ чувство сопровождаетъ всю нашу психическую дѣятельность и только одно придаетъ дѣйствительную цѣнность нашей жизни. Отношеніе между чувствами и идеями и донинѣ составляетъ одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ психологіи, рѣшеніе котораго для сложныхъ душевныхъ состояній чрезвычайно затруднительно. Можно, однако, исходя изъ простѣйшихъ психическихъ фактовъ, утверждать, что чувство есть такая же реакція на впечатлѣнія внѣшняго міра, какъ и идея. При этомъ чувство не находится ни въ какомъ подчиненіи идеѣ. Сегодня извѣстная идея возбуждаетъ въ насъ одно чувство, завтра другое. Поэтому, можно сказать, что чувство, будучи выраженіемъ интимныхъ физиологическихъ процессовъ даннаго момента, въ психологическомъ отношеніи само себя опредѣляетъ.

Оно сопровождаетъ и каждую идею, какъ умную, такъ и глупую, не будучи само по себѣ ни умнымъ, ни глупымъ, такъ какъ понятіе ума и глупости всецѣло относится къ дѣятельности интеллектуальной. Такое смѣшеніе произвелъ однако Эразмъ, который, исходя изъ стоической философіи, нашелъ возможнымъ сказать: „глупость причиной того, что мужъ любить жену, жена любить мужа“, какъ будто любовь можетъ быть умной или глупой.

Именно чувство производитъ такія состоянія духа, которыя называются мужествомъ, самопожертвованіемъ, настойчивостью въ достиженіи цѣли. Мы видѣли, что и у глупца есть безстрашіе и упорство, но какая большая разница между этимъ безстрашіемъ и упорствомъ вслѣдствіе непониманія опасности, вслѣдствіе душевной слѣпоты, и истин-

нымъ мужествомъ и самоотверженіемъ, проникнутымъ и согрѣтымъ глубокимъ чувствомъ и освѣщеннымъ идеей, обнимающей и анализирующей опасность и тѣмъ не менѣе идущей ей на встрѣчу. И лишь чувство, превратившееся въ страсть, можетъ обусловить состояніе аффекта и стать причиной глупости.

Подобно разсѣянности и аффектамъ, и нѣкоторые другіе моменты, какъ, напримѣръ, утомленіе или поспѣшность могутъ быть причиной глупаго поступка, откуда слѣдуетъ, что никто изъ людей не застрахованъ отъ временной глупости.

Наконецъ, недостаточность свѣдѣній или чрезмѣрная забывчивость могутъ быть причиной глупыхъ поступковъ. Поэтому, какъ у Эразма, такъ и у профессора Эрдмана, въ числѣ примѣровъ глупости являются дѣти и старики. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ дѣти, такъ и старики могутъ дѣлать глупости, но отождествлять дѣтство съ глупостью значитъ смѣшивать понятія, такъ какъ дѣтство характеризуется постоянной жаждой новыхъ свѣдѣній, стремленіемъ къ расширенію своего кругозора, упорною работою сопоставленія и анализа, что прямо противоположно понятію глупости, которое имѣетъ совершенно опредѣленное значеніе.

И дряхлѣющей умъ старика представляетъ уже явленія общей слабости подобно болѣзненному слабоумію, и видѣть въ старости примѣръ глупости—значитъ характеризовать сложное явленіе по второстепенному частному признаку.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ по отношенію къ глупости невѣжество взрослога человѣка, такъ какъ оно можетъ обуславливать глупыя дѣйствія не въ видѣ исключенія, а постоянно, вслѣдствіе совершеннаго непониманія дѣйствительности, и можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что невѣжество есть наиболѣе совершенная форма искусственной глупости. Къ счастью, эта форма глупости излѣчима, хотя и донинѣ борьба съ невѣжествомъ велется, къ стыду человѣчества, поразительно вяло.

Но не слѣдуетъ забывать, что еслибы все человѣческое невѣжество было уничтожено, то и тогда глупость осталась бы неприкосновенной, такъ какъ и невѣжество, и разсѣянность, и аффектъ производятъ лишь подобіе глупости.

Теперь мы можемъ на минуту возвратиться къ душевно-больнымъ. Очевидно, что и у нихъ могутъ нерѣдко наблюдаться проявленія глупости. Но чтобы они были чаще, чѣмъ у здоровыхъ, въ этомъ можно сомнѣваться. Въ томъ же, что душевно-здоровые въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ оказаться глупѣ душевно-больныхъ, за которыми ухаживаютъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ одной большой больницѣ для душевно-больныхъ внезапно вспыхнулъ пожаръ. Испуганная прислуга совершенно потеряла голову и бѣгала безцѣльно кругомъ. Душевно-больные, немедленно выпущенные изъ отдѣленій, быстро приняли всѣ необходимыя мѣры и сумѣли спасти какъ себя, такъ и остальныхъ. За такими примѣрами дѣло не станетъ ни въ одной лѣчебницѣ.

Итакъ, глупость въ ея рѣзкомъ выраженіи есть отношеніе къ дѣйствительности, совершенно противоположное ея дѣйствительному содержанію, причемъ правильность этого отношенія у глупца не возбуждаетъ сомнѣній.

Необходимо сказать нѣсколько словъ также о глупости въ болѣе смягченной формѣ. Именно, кромѣ несовершенства, неполноты воспріятія и воспроизведенія дѣйствительности, человѣку свойственно и прямо неправильное воспріятіе, такъ называемыя иллюзіи. Сущность дѣла заключается въ томъ, что человѣкъ видитъ не то, что есть въ дѣйствительности, а нѣчто совершенно другое, и при этомъ сознаетъ, что онъ видитъ совершенно ясно. Только послѣдующій опытъ можетъ указать ему его ошибку. Разъ ошибка указана, человѣкъ естественно предполагаетъ ея возможность и въ будущемъ и по возможности стремится къ повѣркѣ. Глупецъ, лишенный критики, все принимаетъ за чистую монету, и то, что находится въ его сознаніи, онъ наивно переноситъ и въ окружающій его міръ. Что глупецъ думаетъ, то онъ вокругъ себя и видитъ. Эта

форма глупости самая распространенная, самая вредная и самая могущественная. Именно о ней и можно сказать, что она охватываетъ все человѣчество и двигаетъ міромъ. Она создаетъ безчисленное множество лжеученій и фантастическихъ міросозерцаній, она же причина того, что эти лжеученія находятъ для себя благоприятную почву и, порождая предрассудки, суевѣрія, предвзятые идеи, тормазятъ прогрессъ человѣчества. Каждый самъ найдетъ безчисленные примѣры этой глупости въ окружающей жизни и въ жизни другихъ людей, какъ въ ея настоящемъ, такъ и прошедшемъ.

На этомъ я могъ бы и кончить, но надо коснуться еще двухъ пунктовъ.

Именно, глупость смѣшна. Это весьма распространенное утвержденіе совершенно не вѣрно въ его общемъ значеніи. Глупость есть величайшее индивидуальное бѣдствіе и великое общественное зло. Здѣсь нѣтъ ничего смѣшного. Однако, несомнѣнно, въ частныхъ случаяхъ глупость можетъ быть смѣшна, и это совершенно понятно. Несоотвѣтствіе поступка съ дѣйствительностью можетъ быть такъ велико, что приметъ характеръ противоположности, какъ у дурака въ нашемъ примѣрѣ, который залилъ огонь или игралъ на дудкѣ во время пожара. А смѣхъ и возбуждается именно сочетаніемъ противоположностей.

Одинъ молодой человѣкъ на вопросъ дамы, придетъ ли онъ на ея похороны, если она умретъ, отвѣтилъ: „конечно, съ большимъ удовольствіемъ!“ Другой, прощаясь съ дамой, долго кланялся и выражалъ сожалѣніе, что ему надо разстаться съ ней, и, наконецъ, воскликнулъ: „adieu, madame, adieu! On ne saurait pas assez vous dire adieu!“

Конечно, это смѣшно, но только такія глупости и могутъ возбуждать смѣхъ. Тамъ же, гдѣ противоположности нѣтъ, а несоотвѣтствіе дѣйствій съ требованіями дѣйствительности выступаетъ съ большою рѣзкостью, въ насъ могутъ возбуждаться самыя разнообразныя чувства, но только не чувство веселости, и глупость гораздо чаще

приводить людей въ отчаяніе, чѣмъ заставляетъ смѣяться.

Также не имѣетъ общаго значенія и другое утвержденіе, что дураки счастливы и всегда добродушны. Указаніе на счастье дурака есть насмѣшка надъ нимъ, которую онъ впрочемъ едва ли заслужилъ, и, въ дѣйствительности, никто не захотѣлъ бы настоящаго дурацкаго счастья. А добродушіе есть результатъ темперамента, и злыхъ дураковъ можетъ быть не меньше, чѣмъ добрыхъ.

Въ заключеніе надо указать на одно положительное свойство, которое объединяетъ крайнюю глупость и недюжинный умъ. Это — оригинальность. Но въ то время какъ оригинальность ума выражается въ новыхъ сочетаніяхъ, открывающихъ новые признаки и отношенія явленій, оригинальность глупости вполнѣ исчерпывается неожиданностью сопоставленій. Правда, эта неожиданность сопоставленій можетъ послужить въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ драгоценнымъ указаніемъ для другихъ, чѣмъ и оправдывается замѣчаніе Voisenon: „есть глупости, которыя мудрецъ купилъ бы за деньги“, но самая исключительность такой возможности только подтверждаетъ то положеніе, что оригинальность глупца остается совершенно безплодной.

А. Тонарскій.